

УДК 82-1-9

СПЕЦИФИКА ПРЕЛОМЛЕНИЯ ТРАДИЦИИ СЕМЕЙНОГО РОМАНА В ТВОРЧЕСТВЕ А. М. ГОРЬКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ»)

© Ольга Осьмухина, Арина Джиоева

A FAMILY NOVEL IN A. M. GORKY'S WORKS: REFRACTION OF TRADITIONS (BASED ON "THE ARTAMONOV BUSINESS")

Olga Osmukhina, Arina Dzhioeva

This article analyzes the family novel traditions and the specificity of their refraction in A. M. Gorky's works. The writer depicts not only the circle of family relations but also the regular and typical features characterizing the life of the entire Russian society through private, autobiographical elements, exemplified by a whole generation, gradual degeneration and withering away of the Artamonovs. The life story of three generations of the Artamonovs covers a considerable time span: from 1863 to 1917, the period which reflects the main stages of the Russian capitalism development. However, in the novel, the "big" story is just a backdrop against which the "small" story unfolds. Each generation of the Artamonovs is represented by several characters, grouping around the protagonist. The article examines the motif of the family degeneration, which is objectified through the violation of moral norms committed by the characters of the novel, their breaking with the roots and the past, and is directly connected with the motif of an ancestral curse. In A. M. Gorky's novel, the degeneration motif manifests itself in the attitudes which each representative of the generation displays to work, in the principles of existence: the way they love and die. This disintegration of the family and family relations is reflected in the logic of the plot development, that is, degradation of marriage and conjugal relations. The family theme is explored at the level of the relationships between the representatives of one generation: they are brothers - Peter, Alexey, Nikita, Ilya, Jacob, and Miron, who lose touch with each other towards the end of the novel. The article highlights the connection of Gorky's novel with family novels in modern Russian literature.

Keywords: A. M. Gorky, genre, tradition, family novel.

Анализируется специфика преломления традиции семейного романа в романе А. М. Горького. Установлено, что писатель не ограничивается только изображением круга семейных отношений. Напротив, он стремится показать через частное, автобиографическое закономерное и типическое в жизни всего русского общества на примере целого поколения, постепенного вырождения и отмирания рода Артамоновых. История жизни трех поколений Артамоновых охватывает значительный временной отрезок: с 1863 по 1917 гг., что, по мысли Горького, отражало основные этапы развития русского капитализма. Однако «большая» история все-таки остается в романе лишь фоном, на котором разворачивается «малая» история рода. Каждое поколение Артамоновых представлено несколькими характерами, группирующимися вокруг главного героя. Анализируется мотив вырождения рода. Вырождение рода воплощается через нарушения героями моральных норм, их разрыв с корнями, прошлым, а также непосредственно связано с мотивом родового проклятия. В романе А. М. Горького мотив вырождения рода проявляется в отношении представителя каждого поколения к труду, в принципах существования – в том, как герои любят, умирают. Распад семьи и семейных отношений проявляется и в логике развития сюжета – это деградация института брака, супружеских отношений. Тема семьи раскрывается в романе на уровне взаимоотношений представителей одного поколения рода – братьев Петра, Алексея, Никиты, Ильи, Якова, Мирона, жизненные пути которых к финалу утрачивают точки соприкосновения. Отмечаются связи романа Горького с семейными романами современной русской литературы.

Ключевые слова: А. М. Горький, жанр, традиция, семейный роман.

Многообразие форм романа позволяет выделить достаточное количество его внутрижанровых разновидностей, одной из которых, по усто-

явшейся историко-литературной традиции, считается семейный, или семейно-бытовой, роман. По определению А. А. Богданова, семейный ро-

ман – это «эпос частной жизни» [Богданов, с. 307]. Впервые о семейном романе как отдельном жанре заявил М. М. Бахтин, выделивший его «существенные» признаки: «Семья семейного романа, конечно, уже не идиллическая семья. Она оторвана от узкой феодальной локальности, от питавшего ее в идиллии неизменного природного окружения <...>. Идиллическое единство места <...> ограничивается семейно-родовым городским домом <...>. Но и это единство места в семейном романе далеко не обязательно. Более того, отрыв времени жизни от определенной и ограниченной пространственной локальности, скитание главных героев, прежде чем они обретут семью и материальное положение, – существенная особенность классической разновидности семейного романа» [Бахтин, с. 478–479]. По Бахтину, важнейшие свойства семейного романа – обретение (или создание) героем прочных семейных связей, определение себя в мире, ограниченном «определенным местом и определенным узким кругом родных людей, то есть семейным кругом» [Бахтин, с. 479].

Как справедливо отмечает И. Гнусова, «русскими писателями, в отличие от прозаиков европейских, не было создано классических образцов семейного романа с его камерным хронотопом и узкоограниченной проблематикой, но традиции семейного романа оказали принципиальное влияние на историю русской литературы» [Гнусова]. Как справедливо отмечал Б. М. Эйхенбаум, уже в литературе 1870-х гг. роман, «подготовленный всей линией развития русского семейного романа, уходил в сторону от семейности, превращаясь в роман социальный» [Эйхенбаум, с. 139]. Именно эта линия находит воплощение и в литературе XX века, причем наиболее примечательным оказывается романное творчество А. М. Горького и прежде всего – роман «Дело Артамоновых». Здесь, равно как и в драматургии («Васса Железнова», «Егор Булычев и другие»), и в «Фоме Гордееве», писатель не ограничивается изображением круга узкосемейных отношений, напротив, он стремится показать через частное, автобиографическое закономерное и типическое в жизни всего русского общества на примере целого поколения, постепенного вырождения и отмирания рода Артамоновых.

Примечательно, что жанр семейной хроники, избранный прозаиком для изображения истории Артамоновых, актуализируется на рубеже XIX–XX вв., в связи с расхожими представлениями натуралистов, во-первых, о влиянии на личность среды, а во-вторых, о воздействии на формирование личности законов наследственности. Так или иначе, но Горький, учитывая эти факторы

при осмыслении истории вырождения артамоновского клана, напрямую связывает ее с социалистической идеологией. В очерке «Лев Толстой» Горький вспоминает: «Я рассказал ему (Толстому – О. О., А. Д.) историю трех поколений знакомой мне купеческой семьи, – историю, где закон вырождения действовал особенно безжалостно; тогда он стал возбужденно дергать меня за рукав, уговаривая: – Все это – правда! Это я знаю, в Туле есть две таких семьи. И это надо написать. Кратко написать большой роман, понимаете? Непременно!» [Горький, т. 16, с. 89]. Если Толстого в горьковском сюжете привлекала возможность показать уход Никиты Артамонова в монастырь, дабы «молиться за всю семью», то сам Горький воплотил в сюжете принципиально иную, социально-историческую идею: центральной в семейной хронике становится тема исторически необходимой революции (не случайно, на наш взгляд, старший сын Петра Артамонова Илья уходит в революцию) и разлагающей роли капитала. Артамоновых в романе губит отнюдь не наследственность, но положение «хозяев жизни», и на первый план в повествовательной структуре выступает не физическая, но духовная, нравственная гибель героев.

История жизни трех поколений Артамоновых охватывает значительный временной отрезок: с 1863 по 1917 гг., что, по мысли Горького, отражало основные этапы развития русского капитализма. Однако «большая» история все-таки остается в романе лишь фоном, на котором разворачивается «малая» история рода. Каждое поколение Артамоновых представлено несколькими характерами, группирующимися вокруг заглавного героя. Первоначально это «вчерашний мужик» Илья Артамонов – талантливый хозяин, основатель семейного «дела», затем его сын Петр, у которого уже «задору нет» (фабрикой он управляет по необходимости), и, наконец, «пустоглазый» Яков – ленивый, ни на что не годный, ведущий праздную жизнь.

Семейная тема намечается уже в начале повествования: и в характеристике детей Ильи Артамонова, и в «изначальном стремлении главы рода соединить семейные связи с требованиями “дела”, чем объясняется идущее вразрез с привычным укладом поспешное предложение старосте выдать дочь за старшего сына» [Ничипоров, с. 3]. Нарушение исконных патриархальных устоев, традиционной семейной этики заложено и в самой основе супружеского союза Петра и Натальи. Именно построение семейной жизни в согласии с принципами «дела» мотивирует стремление Ильи ускорить свадьбу сына (*У меня нужда: Петру хозяйка требуется*) [Горький, т.

10, с. 3]), а также проявляется и в вызвавшей нареkania горожан пляске Ульяны на свадьбе, когда муж в земле еще года не лежит, и в показанном глазами Ульяны добрачном отношении Петра Артамонова к будущей жене: *Непонятное, сухое, но бережное и даже как будто ревнивое отношение Петра к дочери* [Там же, с. 4]. В прошедшей же «по-старинному» подготовке Натальи к свадебному обряду символически воплощен, на наш взгляд, уходящий в прошлое семейный уклад. Заметим, что символическим событием, несущим первое, неявное предвестие грядущего вырождения клана Артамоновых, становится и смерть пятилетнего ребенка Петра и Натальи, истолкованная, впрочем, Ильей как залог прочной родовой укорененности в дремовском пространстве: *А у нас теперь своя могилка здесь будет, значит – якорь брошен глубоко* [Там же, с. 3].

Девальвацией семейных ценностей объясняется актуализация «побочных», по сути, антисемейных интенций в душевных поисках персонажей. Если в сближении Ильи с Ульяной, в меньшей степени – в связи Алексея с пятнадцатилетней Ольгой Орловой, еще просматривалось тяготение хотя бы к отдаленному подобию брачного союза, то в смутном влечении Натальи к Алексею, а Никиты к жене брата (*обнимал невестку ласковым теплом синих глаз* [Там же, с. 2]) также намечаются истоки семейного оскудения.

Своеобразной «точкой отсчета» дальнейшего распада родовых связей становится в романе смерть Ильи Артамонова – главы большой семьи, на пороге смерти осознающего губительность «дела», подчинившего себе личность, человека. С этим моментом последнего единения детей у смертного одра отца связано появление лейтмотива из песни городского дурачка Антоношки: *Кибитка потеряла колесо* [Там же, с. 128]. Как справедливо отмечает И. Б. Ничипоров, именно «в последующем повествовании этот лейтмотив сформирует широкий круг ассоциативных <...> связей между внешне далекими сюжетными линиями, высветит <...> сопряженность зигзагов семейного пути и трагических поворотов национальной истории» [Ничипоров, с. 4]. Так, очевидна связь смерти Ильи с отказом от мирской жизни Никиты, с преступлением Петра в отношении Никонова, с роковым для всей России моментом отречения царя, представленным сквозь призму народного восприятия – через слова дворника Тихона (*Разыгрались. Вот оно, Антоново слово: потеряла кибитка колесо!..* [Там же, с. 243]), с апокалиптическим вектором итоговой обвинительной речи Вялова в адрес артамоновского рода: *Грешили, грешили, – счета*

нет грехам! Я все смотрел: диво! Когда конец? Вот наступил на вас конец. Отлилось вам свинцом все это... Потеряла кибитка колесо... [Там же, с. 245].

Вырождение рода «чаще всего воплощается через нарушения героями моральных норм, их разрыв с корнями, прошлым, а также непосредственно связана с мотивом родового проклятия» [Осьмухина, с. 289], а в романе А. М. Горького к тому же проявляется и в отношении представителя каждого поколения к труду, и в принципах существования вообще – в том, как они любят, умирают и т. д. К примеру, старший Илья Артамонов любит страстно, хотя и греховной, но сильной, всепоглощающей любовью. Петр любит почти безразлично, а Яков вообще любить не способен. И если старший Артамонов умирает, как жил – надрывается, поднимая котел, увлекаясь работой и не рассчитывая собственные силы, – то смерть того же Якова представляется жалкой. Отношение к женщине становится важным критерием психологической оценки персонажей романа. Так, у Петра погружение в стихию «лютого озлобления плоти» пробуждало ненависть к женскому началу как таковому, *даже вспоминая о жене, он и в ней подмечал нечто скрыто враждебное* [Там же, с. 132]. В финале романа эта ненависть приведет героя к безумию (*она меня настраивала; из-за нее и брат Никита пропал* [Там же, с. 241]), заставит его вынести саморазрушительный приговор семье. А кроме того, высветит и трагедию женской судьбы: *Наталья глядела тусклыми глазами на бывшего человека, с которым истратила всю свою жизнь* [Там же, с. 244]. В связи с этим символически завершающие роман картины разрушения Дома, наполняющегося *чужими людьми, непонятной суетой, воплями жены, шумным бредом*, и собственно финальный эпизод, где Петр произносит исполненное «лютой яростью» «прочь» сующей ему кусок хлеба Наталье.

Ключевой в процессе сюжетного развертывания оказывается демонстрация постепенного вырождения института брака, девальвация супружества. Мучительно переживая утрату «семейственности» у себя, Петр отмечает, что и фабричные рабочие разобщены, хотя при отце они жили *семейнее*, а теперь же появилось нечто *бесхозяйственное, неустойчивое*.

Примечательно наблюдение И. Б. Ничипорова, полагающего, что, в отличие от среднего поколения артамоновского клана, драматически переживающего семейный разлад, представители поколения младшего, их семьи нередко изображены пародийно. Так, муж Татьяны Митя схож с пуделем; Анна – *пухленькая куколка с кудрявой,*

свернутой набок головкой, сравнима с фарфоровой фигуркой. «Симптоматична и путаная, изначально не ориентированная на семейный союз жизнь последнего представителя артамоновской династии, Якова, с красоткой Полиной (*Не могу жениться, пока отец не помер*). Последующая попытка все же опереться на семью, устроить супружескую жизнь оборачивается для Якова катастрофой, роковым образом замыкающей родовую цепь» [Ничипоров, с. 6]. Смерть главы становятся настоящей невосполнимой потерей, тогда как «смерть Алексея исподволь выявляет неестественность родственных отношений», а «трагическая гибель Якова и вовсе остается для семьи безвестной» [Ничипоров, с. 6].

Семейная тема воплощается, кроме того, и в изображении взаимоотношений братьев Петра, Алексея и Никиты, а затем – Ильи, Якова и Мирона, утрачивающих к финалу родственные связи. При этом уже при жизни главы семьи очевидны «истоки размежевания между представителями среднего поколения артамоновской династии» [Ничипоров, с. 6] – как в портретных и психологических характеристиках несхожих братьев (Петр *угрюм, молчалив, Алексей задорен, дерзок*, Никита тяготеет к уединению), так и посредством отцовского видения: в Петре *задору нет*, Никита – *убогий*. Смерть отца ускоряет процесс взаимного отдаления братьев Петра и Алексея на почве отношения к «делу». Если в деловой хватке Алексея были ощутимы унаследованные от отца черты пассионарности (*играл с фабрикой так же, как играл с медведем*), то Петр *подкрадывался к работе и относился к делу осторожно, опасливо, так же, как к людям* [Там же, с. 151]. Духовное вырождение рода ощутимо и в сыновьях Петра, и в деловитом, *не похожем на купеческого сына* Мироне – *худощавом, носатом, с острой, не купеческой бородкой*. «Блудным сыном» артамоновской семьи становится Никита, осуществивший тот трагический разрыв с кланом, на который еще при жизни Ильи претендовал Алексей, умоляя отца отдать его в солдаты. У Никиты отход от рода начинается с ощущения расхождения между интимными переживаниями и жестким семейным укладом, а впоследствии осложняется неприятием «несправедливой» смерти отца. Именно он предугадал первую скорую кончину главы большой семьи. Будучи монахом, Никита (отец Никодим) провожает Петра *чужим и злонамеренным взглядом вкось и снизу вверх*, и не благословляет его, демонстрируя отнюдь не христианское смирение и всепрощение.

Добавим, что непосредственно связан с семейной темой в романе Горького и мотив пре-

ступления. Во-первых, он обретает символический смысл: преступлением оказывается само «дело» Артамоновых, их фабрика, которая уродует мир вокруг, губит все человеческое в героях. Практически все Артамоновы являются преступниками, убийцами. Первым совершает убийство Илья, хотя и защищаясь; Алексей поджигает дом Барского; Петр невольно убивает ребенка Павлушку. Убийство Петра, страшное по своей сути, также обретает дополнительную коннотацию: если традиционно ребенок мыслился воплощением чистоты, искренности, символизировал продолжение жизни, рода, то смерть мальчика в «Деле Артамоновых», маркирующая уродливое мироустройство, ложность самих основ социума, есть не что иное, как символ завершения семейной истории, постепенного угасания, отмирания семьи.

В заключение отметим, что традиция изображения семьи, рода, намеченная А. М. Горьким в «Деле Артамоновых», но отчасти прерванная соцреалистическими семейными романами, которые сочетали семейную «проблематику» с известными социально ангажированными идеями (противостояние «своих» и «чужих»), изображение классовой борьбы, последовательная демонстрация губительности частной собственности, вызывающей к жизни «все плохое», показ жертвенности своей и чужой жизнями ради «общих» интересов неправдоподобно «сознательными» положительными героями и др., и здесь примечательны «Угрюм-река» В. Шишкова, «Строговы» Г. Маркова, «Журбины» Вс. Кочетова, «Вечный зов» А. Иванова), продолжается в современной российской прозе. Равно как и в «Деле Артамоновых» А. М. Горького, авторы современных семейных романов на примере нескольких поколений одной семьи стремятся показать через частное, закономерное и типическое в жизни всего русского общества («Московская сага» В. Аксенова, «Лестница Якова» Л. Улицкой») постепенное вырождение и отмирание рода («Дети Ванюхина» Г. Ряжского, «Черный ворон» Д. Вересова), синтезируют элементы семейной хроники, социально-психологического и философского романов («Русская канарейка» Д. Рубиной, «Сага о бедных Гольдманах» Е. Колиной), делают «большую» историю фоном, на котором разворачивается «малая» история рода («Семейный альбом» Д. Вересова, «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» О. Славниковой, «Казус Кукоцкого» Л. Улицкой и др.).

Список литературы

Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 тт. Т. 3: Теория романа (1930–1960 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

Богданов А. Н. Литературные роды и виды // Теория литературы в связи с проблемами эстетики. М.: Просвещение. 1970. С. 307–310.

Гнюсова И. Ф. Традиции семейного романа в творчестве Л.Н. Толстого [Электронный ресурс]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/gnjusova_if.doc.pdf (дата обращения 5.12.2017)

Горький М. Дело Артамоновых // Горький М. Собр. соч. в 16 тт. Т. 10. М.: Правда, 1979. С. 3–245.

Горький М. Лев Толстой // Горький М. Собр. соч. в 16 тт. Т. 16. М.: Правда, 1979. С. 87–135.

Ничипоров И. Б. «Мысль семейная» в романе М. Горького «Дело Артамоновых» // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды XIII Всероссийской научно-практической конференции: В 2 ч. Ч. 2. Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008. С.3 – 13.

Осьмухина О. Ю. Специфика воплощения темы рода в отечественной прозе рубежа XX–XXI вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 286–289.

Эйхенбаум Б. М. О прозе; о поэзии: сборник статей; вступ. ст. Г. Бялого. Л.: Художественная литература, 1986. 453 с.

References

Bakhtin, M. M. (2012). *Sobr. soch. v 7 tt. T. 3: Teoriia romana (1930–1960 gg.)* [Collection of Works in Seven Volumes. Volume 3: The Theory of the Novel

(1930–1960)]. 880 p. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Bogdanov, A. N. (1970). *Literaturnye rody i vidy* [Literary Genres and Types]. *Teoriia literatury v sviazi s problemami estetiki*. Pp. 307–310. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)

Gnyusova, I. F. (2007). *Tradicii semejnogo romana v tvorchestve L. N. Tolstogo* [Traditions of the Family Novel in the Works of L. N. Tolstoy]. [Elektronnyj resurs]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/gnjusova_if.doc.pdf (accessed: 5.12.2017). (In Russian)

Eikhenbaum, B. M. (1986). *O proze; o poezii: sbornik statei; vstup. st. G. Bialogo* [On Prose; on Poetry: A Collection of Articles; Introduction by G. Bialogo.]. 453 p. Leningrad, Khudozhestvennaia literature. (In Russian)

Gor'kii, M. (1979). *Delo Artamonovykh* [The Artamonov Business]. Gor'kii M. *Sobr. soch. v 16 tt. T. 10*, pp. 3–245. Moscow, Pravda. (In Russian)

Gor'kii, M. (1979). *Lev Tolstoi* [Leo Tolstoy]. Gor'kii M. *Sobr. soch., v 16 tt. T. 16*, pp. 87–135. Moscow, Pravda. (In Russian)

Nichiporov, I. B. (2008). “*Mysl' semejnaya*” v romane M. Gor'kogo “*Delo Artamonovykh*”. [“Family Thought” in Gorky's novel “The Artamonov Business”]. *Hudozhestvennyj tekst: varianty interpretacii: Trudy XIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii: V 2 ch. Ch. 2. Pp. 3 – 13. Bijsk, BPGU im. V. M. Shukshina*. (In Russian)

Os'mukhina, O. Iu. (2015). *Spetsifika voploshcheniia temy roda v otechestvennoi proze rubezha XX–XXI vv.* [Specificity of Representing the Theme of Family in Russian Prose at the Turn of the 20th and 21st Centuries]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. No.1*, pp. 286–289. (In Russian)

The article was submitted on 07.12.2017
Поступила в редакцию 07.12.2017

Осьмухина Ольга Юрьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева,
430005, Россия, Саранск,
Большевицкая, 68.
osmukhina@inbox.ru

Джиоева Арина Тамазовна,
аспирант,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева,
430005, Россия, Саранск,
Большевицкая, 68.
arina.dzhioeva@mail.ru

Osmukhina Olga Yuryevna,
Doctor of Philology,
Professor,
National Research Mordovia State University
named after N. P. Ogarev,

68 Bolshevitsaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
osmukhina@inbox.ru

Dzhioeva Arina Tamazovna,
graduate student,
National Research Mordovia State University
named after N. P. Ogarev,

68 Bolshevitsaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
arina.dzhioeva@mail.ru